

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 930:069(091)

Н.М. Дмитриенко, Э.И. Черняк

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН: У ИСТОКОВ ИЗУЧЕНИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В РОССИИ

Рассматриваются исторические труды Н.М. Карамзина, раскрывается основополагающий вклад историка в изучение музейного дела в России. Впервые в литературе обосновывается выработка Н.М. Карамзиным методологии изучения русской истории как основы предметно-музееведческого подхода, характеризуется тематика его исторических разысканий, обеспечившая впоследствии формирование таких музееведческих дисциплин, как история музейного дела, история материальной культуры, памятники культурного наследия.

Ключевые слова: Карамзин; русская история; методология и историография музейного дела.

Российское музейное дело, уходящее корнями в глубь веков, до сих пор изучено явно недостаточно. В зачаточном состоянии находится историография музейного дела, представленная, кроме пристатейных и прикнижных обзоров, лишь несколькими статьями [1–4]. Это обстоятельство побудило нас обратиться к трудам первых российских историков, освещавших музейное дело, и, прежде всего, к творчеству Н.М. Карамзина.

Историческим исследованиям Н.М. Карамзина посвящено немало работ, начиная с выступлений В.О. Ключевского, К.Н. Бестужева-Рюмина и завершая трудами Г.В. Вернадского, Ю.М. Лотмана, С.О. Шмидта и других близких им по времени исследователей. Все авторы единодушно относят Н.М. Карамзина к числу первых профессиональных русских историков – и по времени, и по значению, что, впрочем, не исключает критики в его адрес.

Так, в рукописном наброске, сделанном не ранее 1898 г. и увидевшем свет много десятилетий спустя, В.О. Ключевский отмечал, что Карамзин «смотрит на исторические явления, как смотрит зритель на то, что происходит на театральной сцене», при этом «действующие лица действуют без исторической обстановки, а историческая обстановка является без действующих лиц». Утверждал, что взгляд Н.М. Карамзина «на историю строился не на исторической закономерности, а на нравственно-психологической эстетике» [5. С. 133–134].

По мнению В.О. Ключевского, Карамзина «занимало не общество с его строением и складом, а человек с его личными качествами и случайностями личной жизни; он следил в прошедшем не за накоплением средств материального и духовного существования человечества и не за работой сил, вырабатывавших эти средства, а за проявлением нравственной силы и красоты в индивидуальных образах или массовых движениях...» [Там же]. А подытоживая сказанное, заявлял, что Н.М. Карамзин «не объяснил и не обобщил, а живописал, морализировал и любовался» русской историей и потому «много помог русским людям лучше понимать свое прошлое; но еще больше он заставил их любить его». И в этом В.О. Ключевскому виделись и главное

достоинство трудов Карамзина, а одновременно и «главный недостаток его перед исторической русской наукой» [Там же].

Критическое отношение В.О. Ключевского обусловлено, можно сказать, причинами парадигмального характера, и, что характерно, как раз тем, чем Н.М. Карамзин привлекает в наши дни, когда выдвигаются новые научные стратегии в познании исторического прошлого. Следует заметить, что неординарность и своеобычность карамзинских подходов отмечали многие исследователи. Прежде всего, они указывали на глубокую источниковедческую проработку трудов Н.М. Карамзина, так отличавшую его от предшественников в изучении русской истории. К.Н. Бестужев-Рюмин особо подчеркивал внимание историка к вещественным и письменным источникам, сообщал, что Карамзин не только собирал документы в русских и зарубежных архивах, не только привлекал данные археологии и других исторических дисциплин, но и первым приступил к публикации документов, первым из русских историков иллюстрировал свои труды [6. С. 228]. Г.В. Вернадский, основатель американской школы российской историографии, высоко ценит вклад Н.М. Карамзина в дело изучения и сохранения культурного наследия. Сообщал, что тот первым оповестил ученый мир о находке «Слова о полку Игореве», опубликовав свое сообщение в гамбургском журнале «Spectateur du Nord» [7. С. 71–72].

Не случайно внимание, с каким относился к творчеству Карамзина-историка С.О. Шмидт. Показательно, что в издании последних работ выдающегося исследователя, названном «После 75», имя Н.М. Карамзина упоминается 86 раз, гораздо чаще всех других русских историков, что зафиксировано в «Именном указателе» [8. С. 723–734]. С.О. Шмидт характеризует Н.М. Карамзина как «знатока прошлого и настоящего и отечества, и европейского зарубежья», как основателя особого жанра «поучительной истории» [9. С. 90; 10. С. 189; 11. С. 437; 12. С. 454]. Вполне справедливо С.О. Шмидт указывал на ограниченность источниковой базы исторических исследований начала XIX в., но в то же время отмечал, что, продолжая начатое еще В.Н. Татищевым, Г.Ф. Мил-

лером и другими историками, Н.М. Карамзин достиг наивысших по своему времени результатов, потому что овладел научно-исследовательской методикой обработки исторических источников, и, что очень важно для нас, обратил внимание на изучение «состояния жителей», показал «их быт, и внешний облик, ремесла и торговлю, материальную и духовную культуру». И прибавлял: «Следует удивляться тому, как много сведений первым сумел извлечь Карамзин о быте и даже физическом облике людей...» [13. С. 28].

Характерно, что в исторических трудах Н.М. Карамзина исследователи видели истоки формирования новых в современной ему России исторических дисциплин и направлений – палеографии, археологии, филологии, политологии, нумизматики, исторического краеведения [6. С. 218; 13. С. 24, 26; 14. С. 137]. Мы убеждены: этот перечень нуждается в дополнении, ведь в работах Н.М. Карамзина предприняты первые успешные обращения к освещению музейного дела, сделаны первые шаги по пути формирования комплекса научных дисциплин, ныне известного как музееведение / музология. Этот до сих пор никем не затрагиваемый аспект исследовательской деятельности русского историка и рассматривается в данной статье. В качестве историографических источников используется главный исторический труд Н.М. Карамзина «История государства Российского», самое полное и, по отзывам специалистов, наиболее авторитетное 5-е издание 1842–1843 гг. Привлекаются историко-публицистические выступления и журнальные очерки из прижизненных изданий, а также увидевшие свет или переизданные в продолжении XX в.

Историографический анализ трудов Н.М. Карамзина считаем необходимым начать с собственных высказываний исследователя о методах и принципах его работы. В предисловии к «Истории государства Российского» он так обосновывал свое понимание истории и способы ее познания: «Не дозволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностью говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек, описывать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени, и характер летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого». Признавался, что отошел от летописного способа изложения, характерного для его предшественников, и, по сути, придерживался историзма: «Читатель заметит, что описываю деяния не врознь, по годам и дням, но совокупляю их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойства и связь деяний...» [15. Т. 1. С. XIII].

Открытость исследовательских позиций позволяет осветить методологический арсенал историка.

Используя выражение А.С. Лаппо-Данилевского, можно сказать, что труды Карамзина – синтез «интуитивно-синтетической постройительной работы» и научно-синтетического построения с опорой на научные принципы и методы исследования [16. С. 7]. В ходе такой работы, наряду с использованием известного в его время сравнительно-исторического метода, зародившегося в трудах И.Н. Болтина и охарактеризованного много позже В.О. Ключевским [17. С. 252; 18. С. 273], Н.М. Карамзин формировал собственную методологию изучения исторического прошлого. Разработанный им научный подход не получил тогда своего названия, Карамзин и не задавался такой целью, но в его исследованиях хорошо видно, как он, следуя своему принципу – искать «мыслей единственно в памятниках», оперирует исторической информацией, накопленной не только в письменных источниках, но и в изобразительных, и вещественных источниках, или памятниках (возможно, первым из историков он и применил понятие «памятник»). Как уже отмечалось, это важное свойство исторических разысканий Карамзина – опора на комплекс разнообразных источников – получило должную оценку в литературе, но без какой-либо связи с музееведением. А в музееведческой литературе, в частности в работах А.М. Разгона, в которых вопрос о научном использовании вещественных источников коротко затрагивался, труды Н.М. Карамзина были обойдены. Со ссылками на летописи А.М. Разгон писал о сохранении некоторых исторических памятников в древнерусских храмах, касался опыта привлечения вещественных источников в работах В.Н. Татищева и И.Е. Забелина, но ни разу даже не упомянул Н.М. Карамзина [19. С. 190–191, 197]. А ведь именно Карамзин первым привлекал различные изобразительные и вещественные памятники не для иллюстраций и в их научном изучении опирался на особый принцип исторического исследования, который ныне известен как принцип предметности. По определению, выработанному во второй половине XX в., принцип предметности требует обращения к подлинным памятникам истории и культуры, ставшими в результате музеефикации музейными предметами, носителями аутентичной исторической информации, удостоверяющим исторические факты и события, содействующим пониманию исторической реальности через чувственное, эмоциональное восприятие и представления о прошлом. По обоснованному мнению А.Б. Закс, принцип предметности обеспечивает «зрительную конкретизацию исторических событий», расширяет и обогащает историческое видение окружающего предметного мира [20. С. 200–201].

И действительно, используя совокупность исторических источников, Н.М. Карамзин обеспечивал видимое представление исторической действительности, осуществлял визуализацию исторического процесса. По свидетельству А.С. Лаппо-Данилевского, такой исследовательский прием использовал немецкий историк Б.Г. Нибур (1776–1831), который «обнаружил великую способность представлять себе живые

образы “людей и предметов” и постигать действительную жизнь в полноте индивидуальных особенностей...» [16. С. 211]. Анализируя историографическое наследие Н.М. Карамзина, можно оспорить приоритет Нибура в «оживлении» и индивидуализации картин исторического прошлого и присвоить его русскому ученому. (Исследователь творчества Карамзина В.Б. Муравьев в свое время также подметил этот прием: «Чтобы писать о прошлом, ему нужно было узнать, ощутить прошлую эпоху в ее облике, конкретных формах; он ищет следы прошлой жизни в современности, посещает памятные места, изучает сохранившиеся памятники...» [21. С. 39].)

Много позже, в середине XX в., зародившийся в трудах Н.М. Карамзина подход был обозначен как музейно-предметный, или музееведческий, и стал использоваться по преимуществу в музейной работе. По обоснованному мнению А.М. Разгона, музееведческий подход позволяет оперировать исторической информацией, накопленной и сохраненной посредством памятников, или музейных предметов, обладающих свойством отражения действительности, документирующей деятельность человека и жизнь природы и обеспечивающих музейную коммуникацию [20. С.20–22]. И как главное свойство музееведческого подхода к изучению исторических явлений А.М. Разгон отмечал его эмоциональную окрашенность [22. С. 842]. Обращение к творчеству Н.М. Карамзина убеждает, что поле применения музееведческого подхода достаточно обширно, и это позволило самому исследователю воссоздать зримую картину русской истории.

С опорой на новый для своего времени методологический инструментарий Н.М. Карамзин буквально живописует исторические события и через внешний облик участников этих событий, через изобразительные и вещественные источники раскрывает разнообразные картины исторического прошлого. Говоря языком нынешних музееведов, он осуществляет репрезентацию памятников прошлого и таким приемом достигает необычайной выразительности и, вместе с тем, доходчивости, убедительности исторического повествования. И даже такое умозрительное построение, как намерения Екатерины II улучшить положение русских крестьян, Н.М. Карамзин характеризует предметно и оживляюще: «Она хотела благоденствия земледельцев; хотела, чтобы осыпанные изобилием природы, среди многочисленных семейств своих, они трудились для наслаждения, и под смиренным кровом сельских хижин, где любит обитать спокойствие, не завидовали великолепным градским палатам, где часто праздность и скука изнуряют сердце; она хотела, чтобы трудолюбие, зернистые класы, золотые нивы, полные житницы, были для них истинною роскошью» [23. С. 83–84].

Великолепные результаты музейно-предметного подхода представлены в изучении событий военно-политической истории России. Только приступая к историческим разысканиям, Н.М. Карамзин описывал бой Русской армии под главенством Н.П. Румянцева против войск Оттоманской империи: «И никогда в

моем воображении не затмится сия величественная картина. 17 тысяч русских на рассвете прекраснейшего дня, в глубоком молчании, идут умереть со славою против 150 тысяч неприятелей; тихое веселие на их лицах; в груди предчувствие геройского бессмертия. Все повеления были отданы, и вождь казался спокойным; одно величество блистало в его взорах. Вдруг громы возвестили явление солнца, и тучи дыма сокрыли его; оно снова воссияло – и где враги многочисленные? Я вижу трофеи наши, и среди них героя Румянцева, который, не изменив всегдашнего спокойного лица своего, пишет к монархине донесение о славнейшей победе в мире» [23. С. 20].

Впоследствии исследователь не раз использовал прием визуализации. Писал, например, как в середине XIV в. московский князь Дмитрий Иванович направил своего сына князя Иоанна отразить наступление ордынского царевича Арапши на русские земли. «К несчастью ум предводителей не отвечал числу воинов, – говорил историк. – Поверив слухам, что Арапша далеко, они вздумали за рекою Пьяною, на степи Перевозской, тешиться ловлею зверей, как дома в мирное время. Воины следовали сему примеру беспечности, утомленные зноем, сняли с себя латы и нагрузили ими телеги, спустили одежду с плеч, искали прохлады, другие рассеялись по окрестным селениям, чтобы пить крепкий мед или пиво. Знамена стояли уединенно, копья, щиты лежали горами на траве. Одним словом, везде представлялась глазам веселая картина охоты, пиршества, гульбища, скоро представилась иная». И далее сообщал: «Князья мордовские тайно подвели Арапшу, о коем говорят летописцы, что он был карла станом, но великан мужеством, хитр на войне и свиреп до крайности. Арапша с пяти сторон ударил на россиян столь внезапно и быстро, что они не могли ни изготавиться, ни соединиться и в общем смятении бежали к реке Пьяне, устилая путь своими трупами и неся неприятеля на плечах...» [24. Т. 5. Стб. 26].

Столь же живо и предметно рассказывается о начале знаменитой Куликовской битвы: «Дмитрий, стоя на высоком холме и видя стройные необозримые ряды войск, бесчисленные знамена, развеваемые легким ветром, блеск оружия и доспехов, озаряемых ярким осенним солнцем... преклонил колена и, простирая руки к золотому образу Спасителя, сиявшему на черном знамени великокняжеском, молился в последний раз за христиан и Россию, сел на коня, объехал все полки и говорил речь к каждому, называя воинов своими верными товарищами и милыми братьями, утверждая их в мужестве...» [24. Т. 5. Стб. 39].

Руководствуясь выработанным им исследовательским подходом, привлекая свидетельства летописцев, рассказы иноземных гостей, некоторые изобразительные или вещественные источники, обязательно указывавшиеся в примечаниях и позже высоко оцененные исследователями его трудов, Н.М. Карамзин осуществил научно-достоверную реконструкцию истории повседневности, стоял у истоков музееведческой дисциплины, ныне известной как история материальной культуры. Так, по духовного завещанию

московского князя Ивана Калиты, историк восстановил предметный обиход княжеского дома первой половины XIV в.: круглые чаши, ковши и чарки, ковши с жемчугом (по-видимому, украшенные жемчугом), серебряные блюда. Сообщал, что князь Иван Калита оставил сыновьям два пояса «с жемчугом и с камнями», сердоликовый пояс, «пояс фряжский жемчужный, другой с крюком на червленом шелку». Цитировал завещание князя: «Из одежд моих назначаю Симеону шубу червленую с жемчугом и шапку золотую, Ивану желтую обьяринную шубу с жемчугом и мантию с бармами, Андрею шубу соболью с наплечками, низанными жемчугом, и портише алое с нашитыми бармами, а две новые шубы, низанные жемчугом, меньшим детям, Марье и Федосье». «Княгинино золото» передавалось Иваном Калитой дочери Фетинье: «Четырнадцать колец, новый сделанный мною складень, ожерелье матери ее, чело и гривна...» [15. Т. 4. Стб. 150–151].

Используя прием визуализации, Н.М. Карамзин обязательно, если это было возможно, указывал цвет тканей, детали костюма. По его свидетельству, в XV–XVI вв. «платье боярское, дворянское, купеческое не различалось покроем; верхнее с опушкой, широкое, длинное называлось однорядками; другое охабнями, с воротником; третье ферезями, с пуговицами до подола, с нашивками или без нашивок; такое же длинное с нашивками или только с пуговицами до пояса, кунтышами, доломаном, кафтанами; у всякого были клинья, а на боках прорези». Одежда обязательно украшалась: «Полукафтанье носили с козырем; рубахи с вышитым разноцветным воротником и с серебряною пуговицею; сапоги сафьянные, красные, с железными; шапки высокие, шляпы поярковые, черные и белые» [24. Т. 7. Стб. 131]. Историк отмечал, что праздничная, богатая одежда имела знаковый характер, «означала первостепенных государственных сановников», поэтому «кафтаны на выход» хранились в царских кладовых [25. С. 276]. Знатные русские женщины одевались в длинную и широкую одежду, часто – из тонкого красного сукна, с висящими рукавами, с отложным собольим воротником, под нею – шелковый летник с рукавами до локтей, под летником – ферезь, застегнутая до земли. Дома голову покрывали тафтяной шапочкой красного цвета с шелковым белым повойником, а для выхода надевали сверху парчовую шапку, украшенную жемчугом. Незамужние или молодые бездетные женщины носили черные лисьи шапки. Украшениями служили золотые пуговицы, золотые серьги с яхонтами и изумрудами, жемчужные ожерелья, запястья из драгоценных камней. Обувались женщины в сафьяновые желтые или голубые обшитые жемчугом сапожки на высоких каблуках [26. Т. 10. Стб. 159–160]. Особо характеризуются свадебные наряды: во время брачной церемонии с Лжедмитрием Марина Мнишек была одета в «русское красное бархатное платье с широкими рукавами и в сафьяновых сапогах», а ее новоиспеченный супруг на следующий после венчания день предстал перед гостями «в прекрасной голубой одежде» [26. Т. 11. Стб. 157, 162].

Вслед за описанием костюмов историк дает словесные портреты некоторых русских князей, характеризует их нравственные качества. Так, Иван IV «был велик ростом, строен; имел высокие плечи, крепкие мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный ус, нос римский, глаза небольшие, серые, но светлые, пронизательные, исполненные огня, и лицо некогда приятное». А со временем лицо его стало отражать свирепость, черты исказились, «взор угас; а на голове и в бороде не осталось почти ни одного волоса, от неизъяснимого действия ярости, которая кипела в душе его» [26. Т. 9. Стб. 46].

По изобразительным и вещественным источникам Н.М. Карамзин прослеживал эволюцию знаков, символизировавших государственную власть. Сообщал, например, что к «душевной грамоте» Ивана Калиты были привешены две печати: «одна серебряная вызолоченная с изображением Спасителя и св. Иоанна Предтечи и с надписью *печать Великого Князя Иоанна*, другая – свинцовая» [15. Т. 4. Стб. 150–151]. Имея в своем распоряжении печать московского князя Симеона Гордого, сына Ивана Калиты, Н.М. Карамзин утверждал, что тот первым именовал себя «Великим князем всея Руси» [Там же. Стб. 169]. А по сохранившейся в Кенигсбергском архиве печати галицкого князя Юрия Львовича, правившего в начале XIV в., установил, что князь именовался, подобно деду, Даниилу Галицкому, королем российским – *Rex Russioe* [15. Т. 4. Стб. 104]. Отмечал, что со времен Ивана IV в качестве главных атрибутов церемонии венчания на царство использовались венец, золотая цепь и «бармы Константиновы» [24. Т. 8. Стб. 56–57].

Точно так же с опорой на вещественные источники, на письменные свидетельства очевидцев Н.М. Карамзин освещал культурные сдвиги XIV–XV вв. Например, завещание Симеона Гордого, написанное не на пергаменте, как прежде, а на бумаге, позволило историку сделать вывод о том, что в середине XIV в. в Россию, скорее всего из немецких земель через Новгород, завезена была бумага [15. Т. 4. Стб. 172]. Говорил о строительстве московских храмов, об иконописцах и особо – об Андрее Рублеве, чьи иконы «служили образцом для всех иных живописцев» [24. Т. 5. Стб. 138]. Относительно XVI в., со слов греческих авторов, упомянуты живописные картины на стенах и сводах Грановитой палаты в Кремле, позже утраченные, на которых были изображены русские князья и цари от киевского Ярослава до Федора Иоанновича [25. Т. 10. Стб. 153].

Н.М. Карамзин предпринял первый в русской истории экскурс в книжное дело, сообщал, например, о московской митрополитской библиотеке, устроенной еще «во время господства ханского» и известной в Европе своими рукописями и «творениями греческой словесности». В библиотеке, по свидетельству историка, собирались и первые русские произведения, посвященные Куликовской битве и другим событиям тогдашней современности [15. Т. 4. Стб. 171; 24. Т. 5. Стб. 235–236; 27. С. 11]. Упомянул о библиотеке Ивана Грозного, в которой хранились редкие книги, привезенные, как предполагал Карамзин, супругой

Ивана III Софьей из Рима [26. Т. 9. Стб. 52]. Особый интерес представляют сообщения об открытии в 1564 г. в Москве первой типографии и о выпуске стараниями Ивана Федорова и Петра Мстиславца двух первых печатных книг [Там же. Стб. 28]. И как достойное продолжение начатого – издание в период царствования Федора Иоанновича первой «Российской арифметики» и «Книги большого чертежа», т.е. российской географии. Не осталось без внимания издание в 1614 г. «ландкарты России», подготовленной немецким географом Герардом для обучения царского сына Федора Годунова [26. Т. 10. Стб. 148–149; Т. 11. Стб. 54].

В трудах Н.М. Карамзина характеризуются и различные технические приспособления, названные им достопамятностями. Например, говорится о начале «огнестрельного искусства» в правление Дмитрия Донского, когда в 1389 г. из немецкой земли привезли в Москву «араматы и стрельбу огненную». Отмечается, что при Василии Дмитриевиче, сыне Донского, в Москве приступили к изготовлению пороха, сообщается о Царь-пушке как памятнике мастерства русских литейщиков [24. Т. 5. Стб. 69–70; Т. 6. Стб. 50]. Важно, что Н.М. Карамзин воспроизводит отношение русских к новинкам техники, пишет, что первые «боевые часы», сделанные в Москве выходцем из Сербии монахом Лазарем, вызывали в народе удивление, воспринимались «как чудо» [24. Т. 5. Стб. 138].

Характеризуя памятники различного вида и происхождения, Н.М. Карамзин обязательно отмечал между ними те, которые ныне получили наименование неосозаемых (intangible heritage). Касаясь фольклора, народных песен и сказаний, исследователь писал: «Память обманывает, воображение плодит, новый вкус исправляет, но дух остается с некоторыми сильными чертами века, и не только в наших исторических, богатырских, охотничьих, но и во многих нежных песнях заметна первобытная печать старины; видим в них как бы снимок подлинника уже неизвестного, слышим как бы отзыв голоса давно умолкшего» [26. Т. 10. Стб. 151]. И не раз восстанавливал картины прошлого, пользуясь «снимком подлинника», воскрешал многие бытовавшие в Русском государстве обычаи. Так, относительно топонима Болвановка в Москве он сообщает следующее: вплоть до царствования Ивана III существовал обычай встречи послов татарских ханов, или царей, в Москве. Послы привозили с собой «басму, образ, или болван, хана», и московские князья в подтверждение своей покорности «всегда выходили пешие из города, кланялись им, подносили кубок с молоком кобыльим и для слушания царских грамот, подстилая мех соболий под ноги чтецу, преклоняли колена» [24. Т. 6. Стб. 58].

Историк неоднократно обращался к традициям русского гостеприимства. Писал, например, что в 1476 г., принимая посла Республики Венеции Контарини, Иван III устроил большой обед, подарил послу тысячу червонцев и шубу и предложил выпить «серебряную стопу крепкого меда и взять ее себе в знак особенной государевой благосклонности» [24. Т. 6. Стб. 61]. А два года спустя, когда Иван III «порушил» новгородское вече и присоединил северные террито-

рии к Московскому княжеству, устраивались богатые пиры в честь победителя. На одном из них новгородский архиепископ поднес московскому князю «в дар панагию, обложенную золотом и жемчугами, струфово яйцо, окованное серебром в виде кубка, чарку сердоликовую, хрустальную бочку, серебряную мису в 6 фунтов и 200 корабельников, или 400 червонцев». И все приглашенные на обед граждане Новгорода «пили, ели и беседовали с Иоанном» [24. Т. 6. Стб. 80]. С подробностями описан торжественный обед, которым Борис Годунов угощал своего будущего зятя, герцога Иоанна, брата датского короля Христиана. Прибывшего в Москву герцога принимали в Грановитой палате, где «царь сидел на золотом троне, за серебряным столом, под висящею над ним короною с боевыми часами» [26. Т. 11. Стб. 30]. Еще большей пышностью отличались торжественные приемы Лжедмитрия: он сидел на отлитом из чистого золота, обвешанном алмазными и жемчужными кистями троне, который был установлен на двух серебряных львах, а сверху над ним сияли золотой шар и «прекрасный орел» из золота [26. Т. 11. Стб. 130–131].

Важным результатом разработанного Н.М. Карамзиным подхода к изучению русской истории, внимания к предметно-вещественной составляющей русской культуры является и то, что в его трудах запечатлены традиции богомолья в монастырях, праздничные церковные службы и свадебные пиры, а также и свободное времяпрепровождение. Исследователь характеризует праздничный церковный обряд, который, по его словам, «давно забыт в России», – Неделя Ваий, или «память сретения Господня в Иерусалиме». Участники церемонии собирались в кремлевской Успенской церкви, оттуда «выносили большое дерево, обвешанное разными плодам (яблоками, изюмом, смоквами, финиками); укрепляли его на двух саях и везли тихо. Под деревом стояли пять отроков в белой одежде и пели молитвы». За саями шли горожане со свечами, несли хоругви и иконы, а за ними – все священство, бояре и сановники и «наконец сам государь и митрополит». Царь нес в руке вербу, а митрополит ехал верхом на осле (или на коне), держа в руках Евангелие, «окованное золотом» [26. Т. 9. Стб. 275–276].

Благодаря карамзинским трудам известно, что царь Федор Иоаннович проводил свободное время в обществе жены, смотрел на «кривлянья шутов и карлов», слушал песни, любовался «работой своих ювелиров, золотарей, швцов, живописцев» [Там же. Т. 10. Стб. 49]. А Лжедмитрий, в бытность его русским царем, любил бывать у московских художников, позолотчиков по дереву, аптекарей. По словам Н.М. Карамзина, он «хвалился искусством всадника, зверолова, пушкаря, бойца», не крестился перед иконами, а за стол садился «не с молитвою, а с музыкою» [Там же. Т. 11. Стб. 129–130, 135]. Музыка, пляски и зернь, т.е. азартные игры, стали забавами всего царского двора при Лжедмитрии. Описаны такие мужские развлечения, как псовая охота, «медвежья травля», а для женщин из знатных семейств – качели [24. Т. 7. Стб. 130, 132–134; 26. Т. 10. Стб. 160–161; Т. 11.

Стб. 158–162]. Отмечаются и народные развлечения, когда «толпы скоморохов (русских трубадуров) ходили из села в село, веселя жителей своим искусством» [26. Т. 10. Стб. 152].

Первым в литературе Н.М. Карамзин рассказал о погребальном обычае в Москве, согласно которому приказные одевались в «смирненные платья», т.е. в «шубы бархатные и камчатные без золота», в храмах служились панихиды, раздавались милостыни нищим, делались вклады в церкви и монастыри [26. Т. 9. Стб. 81]. А при погребении датского герцога Иоанна, жениха царской дочери Ксении Годуновой, внезапно скончавшегося в 1602 г. в Москве, дубовый гроб, обитый черным бархатом и серебром, везли на колеснице под тремя черными знаменами с гербами Дании. За колесницей ехал в санях сам Борис Годунов, пешими шли царедворцы и горожане, до места погребения в лютеранской церкви в Немецкой слободе шествие сопровождали воины царской дружины с опущенными вниз копиями [Там же. Т. 11. Стб. 32–33].

Привлекая различного рода источники, Н.М. Карамзин не раз говорил о роли и значении памятников прошлого в жизни русских, особенно в ордынский период, когда «...воображение, унывая под игом неверных, любило ободряться воспоминанием прошедшей славы Отечества» [24. Т. 6. Стб. 240]. Он выявлял случаи сохранения исторической информации, мемориализации памятных мест и событий, подмечал зачатки деятельности, которую ныне относят к процессу музеефикации. Сообщал, например, что в церкви Вознесения в Путивле в XII в. хранились как память серебряные сосуды, кадилницы, шитая золотом утварь, Евангелия и другие богослужебные книги, облаченные в кованые переплеты [15. Т. 2. Стб. 128]. Писал, что в 1204 г. половцы захватили Киев, ограбили церкви, в которых, наряду с богослужебными предметами, находились и «драгоценные одежды древних князей российских, св. Владимира, Ярослава Великого, и других, которые на память себе вешали оные в храмах» [Там же. Т. 3. Стб. 66]. Отмечал, что в Голутвинском монастыре под Москвой сохранялся как реликвия посох святителя Сергия Радонежского [28. С. 267]. Описывая вторжение хана Тохтамыша в Москву в 1382 г., скорбел о том, что захватчики, «обнажив церкви и дома, предали огню множество древних книг и рукописей, там хранимых, и лишили нашу историю, может быть, весьма любопытных памятников» [24. Т. 5. Стб. 48].

Говоря современным языком, Н.М. Карамзин казался сакрального значения памятников прошлого. Рассказывал, что, отправляясь на покорение Казани, Иван IV «лобызал гроб древнего героя России Александра Невского» [24. Т. 8. Стб. 93]. А взятие Казани описывал так: «Полки стали; ударили в бубны, заиграли на трубах, распустили знамена и святую хоругвь, на коей изображался Иисус, а вверху водружен был животворящий крест, бывший на Дону с Великим князем Дмитрием Ивановичем» [Там же. Стб. 97–98]. Повествуя о венчании на царство Ивана IV, Н.М. Карамзин утверждал, что при дворе вспоминали тогда «о древнейшем примере Владимира Мономаха»

и использовали ту «царскую утварь», которую Владимир Мономах завещал «хранить как зеницу ока и передавать из рода в род без употребления» до времени, пока не появится истинный самодержец, достойный «знаков могущества». Интересно, что после завершения церемонии Иван IV покинул церковь, а «народ, дотоле неподвижный, безмолвный, с шумом кинулся обдирать царское место; всякий хотел иметь лоскут паволоки на память великого дня для России» [24. Т. 8. Стб. 56–57].

Как важнейший вклад Н.М. Карамзина в формирование музееведческих знаний нужно отметить то, что он первым в России обратился к освещению музейной деятельности, поставил музейные ценности в один ряд с другими достижениями культуры – литературой, философской мыслью, театром, охарактеризовал музеи и музейные учреждения как хранилища памятников культурного наследия. В «Письмах русского путешественника», в 1791–1792 гг. опубликованных фрагментарно в «Московском журнале», а десять лет спустя выпущенных отдельным изданием, Н.М. Карамзин впервые познакомил русского читателя с европейскими музеями, со способами и формы музейного хранения, распространенными в Европе в XVIII в. Используя принятые в то время названия музейных хранилищ, Н.М. Карамзин писал о зверинцах, оранжереях и ботанических садах, упоминал частные коллекции, кабинеты, собрания древностей в городских библиотеках и университетах, а также арсеналы, художественные галереи и, собственно, музеи.

Путешествуя по Европе, Н.М. Карамзин с большим вниманием относился к раритетам древности. Так, в ратуше города Бергена познакомился с выставленными для обозрения портретами и документами исторического характера, в их числе – «Золотой буллой» Карла IV. В публичной библиотеке Базеля ему была предоставлена возможность осмотреть рукописи, древние медали, цену которых «знают только антиквариусы и нумизматографы» [29. С. 44].

В Швейцарии, в Ивердонской публичной библиотеке, путешественнику были показаны скелеты из захоронений, серебряные и медные медали, найденные в земле [30. С. 26]. Наконец, путешественник стал осматривать музейные коллекции: посетил анатомический театр и «медицинский сад» в Страсбурге, зверинцы в Берлине, Париже и Лондоне [29. С. 36; 31. С. 112; 32. С. 268]. Осмотрел и по достоинству оценил модные в XVIII в. коллекции минералов, монет и других предметов, которые именовались кабинетами: рассказал о минеральном кабинете и библиотеке покойной сестры прусского короля в Берлине, о «зеленой кладовой» – собрании драгоценных камней саксонского курфюрста, о кабинете древних и новых медалей в Королевской библиотеке и кабинете путешественника Вальяна в Париже, в котором хранились чучела африканских животных, а также «готтентотские орудия» [31. С. 118, 142; 32. С. 95–96].

В Лондоне Н.М. Карамзину было показано «редкое собрание антиков» коллекционера Толе – египетские статуи, древние барельефы [32. С. 255–256].

Внимание русского путешественника привлекла «царская кладовая» в Париже, в которой «множество редких вещей, серебра и золота, драгоценных камней, ваз и всякого рода оружия». Он отметил такие редкости «кладовой», как серебряный щит, найденный в Роне близ Лиона и принадлежавший, скорее всего, Сципиону Африканскому, стальные латы короля Франциска I, церковную утварь кардинала Ришелье, копьё папы Павла V [32. С. 119–120].

Н.М. Карамзин не обошел вниманием гарнизонные собрания и оружейные коллекции, также формировавшиеся в XVIII в. Рассказывая об арсенале в лондонском Тауэре, он, по сути, показал музейную экспозицию, раскрыл некоторые приемы, которые использовались для демонстрации музейных предметов и коллекций: «Стены, колонны, пилястры – все составлено из оружия, которое ослепляет глаза своим блеском». А внизу, «под малым арсеналом, в длинной галерее, стоит королевская артиллерия между столбами, на которых висят знамена, в разное время отнятые англичанами у неприятеля». Тут же и портреты английских королей и полководцев – «каждый сидит на лошади, в своих латах и с мечом своим» [Там же. С. 268, 270].

С особым интересом Н.М. Карамзин посещал художественные собрания, и прежде всего – Дрезденскую галерею, в которой провел три часа и прибавил, что для хорошего знакомства с ней нужно несколько месяцев [31. С. 174–175]. Точно так же с восхищением и со знанием дела он характеризует художественные собрания Лувра, Рубensoвой галереи во дворце Люксембурга в Париже, собрание живописи и рисунков в Шекспировой галерее в Лондоне [30. С. 261–263, 306; 32. С. 256]. О Британском музее Н.М. Карамзин писал так: «Нынешнее утро видел я в славном Британском музее множество древностей египетских, этрусских, римских, жертвенных орудий, американских идолов и проч. ... Я с любопытством рассматривал еще лакриматории, или маленькие глиняные и стеклянные сосуды, в которые римляне плакали на погребениях; но всего любопытнее был для меня оригинал Магны Харты, или славный договор англичан с их королем Иоанном, заключенный в XIII веке и служащий основанием их конституции» [32. С. 321–322].

Нужно заметить, что, описывая западноевропейские музейные хранилища, Н.М. Карамзин не упускал случая, чтобы не сказать о зарождении русских музеев, о создании русских коллекций. Так, увидев в Шекспировой галерее в Лондоне «рисунки Орфорова собрания», он тотчас вспомнил, что часть собрания была куплена Екатериной II, показал свою осведомленность об увлечении русской императрицы коллекционированием, об ее участии в формировании и пополнении фондов Эрмитажа [Там же.

С. 258]. Позже рассказывал о коллекции старинного оружия, собранного в свое время в Троице-Сергиевой Лавре, а затем, по настоянию Елизаветы Петровны, переправленного в Петербург. В Лавре, по свидетельству историка, осталась только незначительная часть собранного оружия «на память монашью», зато имелось богатое книжное собрание, включавшее рукописи и древние книги [33. С. 298]. Сообщал, что в московской Оружейной палате «хранятся так называемая Мономахова золотая шапка, или корона, цепь, держава, скипетр и древние бармы», которые использовались в церемониях коронации. И высказывал предположение, со ссылкой на летописи, что все эти раритеты были переданы от византийского императора Алексея Комнина в залог политического сближения с Русским государством [15. Т. 2. Стб. 90]. А в одной из журнальных статей называл авторов первого описания Оружейной палаты – П.С. Валуева и А.Ф. Малиновского [34. С. 314]. Н.М. Карамзин коротко охарактеризовал некоторые коллекции и хранилища в Москве и Подмосковье, сформированные в XVIII – начале XIX в.: «знатное собрание исторических древних рукописей умного князя Димитрия Михайловича Голицына» в Архангельском, ботанический сад графа А.К. Разумовского в Горенках, «Оружейная камера» – домашний музей графа Шереметева в Кусково, ризница и патриаршая библиотека в Кремле [34. С. 313, 319].

Обосновывая достаточно необычную, на первый взгляд, версию о Карамзине как основоположнике изучения музейного дела в России, отметим, что главные темы его исследований составляли все же политическая история, история государства. О музеях, как и о культуре в целом, написано гораздо меньше. Думается, что Н.М. Карамзину не достало времени, чтобы в полной мере осветить музейную деятельность. Немаловажно в этом отношении суждение Ю.М. Лотмана о том, что в России со времен Средневековья «на вершине духовной жизни стояло Слово». Это привело, по мнению исследователя, «к совершенно неизвестному в Европе авторитету словесного искусства – литературы» [35. С. 66]. А все другие искусства – живопись, музыка, архитектура, ваение – были профессией, ремеслом. Добавим в список «ремесел» и музейное дело, которое, тем не менее, занимало все более расширявшееся культурное пространство и поэтому не могло не привлекать исследовательского внимания Н.М. Карамзина. Первым в России затронувший музейную проблематику, разработавший особый исследовательский прием, много позже трансформировавшийся в музееведческий подход, Н.М. Карамзин стоял у истоков музееведения, предопределил обращения других русских историков к изучению музейного дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Букишан П.Я. Работы по истории музейного дела в СССР // Вопросы истории. 1972. № 3. С. 144–149.
2. Ведерникова Г.И. Музейное дело в исторической и архивоведческой литературе 1920–1930-х годов // Историография и источниковедение архивного дела в СССР: межвуз. сб. / отв. ред. В.М. Устинов. М., 1984. С. 90–111.
3. Лозовая Л.А. К изучению историографии музейного дела в России // Этюды культуры-2008: материалы Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Ч. 1: Музеология и культурное наследие / под ред. Э.И. Черныяка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 92–95.

4. Шмидт С.О. А.М. Разгон – историк музейного дела // Шмидт С.О. После 75: работы 1997–2001 годов. М., 2012. С. 555–560.
5. Ключевский В.О. Н.М. Карамзин // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения / сост. Р.А. Киреева, А.А. Зимин; отв. ред. М.В. Нечкина. М.: Наука, 1983. С. 133–137.
6. Бестужев-Рюмин К. Биографии и характеристики: Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг. СПб., 1882. 358 с.
7. Вернадский Г.В. Русская историография. М.: Аграф, 1998. 448 с.
8. Шмидт С.О. После 75: работы 1997–2001 годов. М., 2012. 734 с.
9. Шмидт С.О. Средневековье в государственном строе России Нового времени // Шмидт С.О. После 75: работы 1997–2001 годов. М., 2012. С. 90–103.
10. Шмидт С.О. Московский Кремль в культуре России // Шмидт С.О. После 75: работы 1997–2001 годов. М., 2012. С. 188–197.
11. Шмидт С.О. Е.А. Болховитинов и становление науки российской истории // Шмидт С.О. После 75: работы 1997–2001 годов. М., 2012. С. 432–445.
12. Шмидт С.О. О «жесточкой летописи кн. Курбского» // Шмидт С.О. После 75: работы 1997–2001 годов. М., 2012. С. 446–456.
13. Шмидт С.О. Н.М. Карамзин как историк // Венюк Карамзину / ред.-сост. С.О. Шмидт. М.: Academia, 1993. С. 22–33.
14. Русская историография. XI – начало XXI века: учеб. пособие / под ред. А.А. Чернобаева. М.: Высш. шк., 2010. 447 с.
15. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 3 кн. / Н.М. Карамзин. 5-е изд. СПб., 1842. Кн. 1. Т. 1–4.
16. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Москва: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2013. 602 с.
17. Ключевский В.О. Н.И. Болтин // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 7: Специальные курсы (продолжение). М.: Мысль, 1989. С. 234–261.
18. Ключевский В.О. Памяти Н.И. Болтина // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 7: Специальные курсы (продолжение). М.: Мысль, 1989. С. 262–273.
19. Разгон А.М. Исторические музеи в России (с начала XVIII века до 1861 г.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1963. Вып. 5. С. 189–275.
20. Музееведение. Музеи исторического профиля: учеб. пособие для вузов по специальности «история» / К.Г. Левыкин, А.М. Разгон, А.Б. Закс и др.; ред. К.Г. Левыкин, В. Хербст. М.: Высш. шк., 1988. 431 с.
21. Муравьев В.Б. Путем своего века // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: избранная проза. М.: Московский рабочий, 1986. С. 3–40.
22. Разгон А.М. К вопросу о научном комплектовании фондов в музеях исторического и краеведческого профиля // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов / отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 839–843.
23. Карамзин Н. Историческое похвальное слово Екатерине Второй. М.: Университетская тип., 1802. 187 с.
24. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 3 кн. 5-е изд. СПб., 1842. Кн. 2. Т. 5–8.
25. Карамзин Н.М. Русская старина // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: избранная проза. М.: Московский рабочий, 1986. С. 273–285.
26. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 3 кн. 5-е изд. СПб., 1843. Кн. 3. Т. 9–12.
27. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. Т. XIV. 132 с.
28. Карамзин Н.М. Путешествие вокруг Москвы // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: избранная проза. М.: Московский рабочий, 1986. С. 263–268.
29. Сочинения Карамзина. Т. 3: Письма русского путешественника. Ч. 2. М.: тип. С. Селивановского, 1803. 328 с.
30. Сочинения Карамзина. Т. 4: Письма русского путешественника. Ч. 3. М.: тип. С. Селивановского, 1803. 352 с.
31. Сочинения Карамзина. Т. 2: Письма русского путешественника. Ч. 1. М.: тип. С. Селивановского, 1803. 2, 304 с.
32. Сочинения Карамзина. Т. 5: Письма русского путешественника. Ч. 4. М.: тип. С. Селивановского, 1803. 416 с.
33. Карамзин Н.М. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: избранная проза. М.: Московский рабочий, 1986. С. 285–310.
34. Карамзин Н.М. Записка о московских достопамятностях // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: избранная проза. М.: Московский рабочий, 1986. С. 310–321.
35. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 21 июля 2015 г.

NIKOLAY MIKHAILOVICH KARAMZIN: AT THE ORIGIN OF MUSEUM STUDIES IN RUSSIA

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 55–63. DOI: 10.17223/15617793/398/9

Dmitrienko Nadezhda M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vassa.mv@mail.ru

Chernyak Eduard I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ed.i.chernyak@gmail.com

Keywords: Karamzin; Russian history; methodology and historiography of museum studies.

This article discusses the understudied problem of the historiography of Russian museum studies. The historiography sources are the scientific works of Russian historian N.M. Karamzin, highly evaluated by many researchers, from V.O. Klyuchevsky and K.N. Bestuzhev-Ryumin to S.O. Schmidt and M.Yu. Lotman. However, researchers never turned their attention to the museology nature of N.M. Karamzin's works, while Karamzin himself wrote that he searched for "thoughts in the monuments" and desired "to unite into a system" everything created in centuries. He developed a special method of history study, which ensured the visualization of the historical process. Subsequently this method determined the formation of the museum-object, or museology, approach. According to modern museologists, Karamzin made a representation of the monuments of the past and reached extraordinary expressiveness and persuasiveness of historical narration. Using his own methodology, Karamzin revived the pictures of the military-political history of Russia. The museology method Karamzin developed found its most successful use in the study of the history of everyday life. N.M. Karamzin laid the basis of the academic discipline now known as the history of material culture. He gave detailed descriptions of Russian costumes, characterized the origin of the book culture, the technology novelties of the 15th and 16th centuries. N.M. Karamzin was the first Russian researcher who wrote about the intangible heritage; he described many customs and traditions of the Russian people. First of all, he noted the memorial and sacral value of Russian monuments and cases of museumification of some monuments. N.M. Karamzin was the first to describe the different forms of museum storage and collections; he made museum valuables equal to other cultural achievements: literature, philosophy, theater. However, Karamzin did not have enough time to describe the museum studies in Russia completely. Nevertheless, it is Karamzin who was at the root of museology, and he predetermined other Russian historians' interest in museum studies.

REFERENCES

1. Bukshpan, P.Ya. (1972) Raboty po istorii muzeynogo dela v SSSR [Works on the history of museum studies in the USSR]. *Voprosy istorii*. 3. pp. 144–149.
2. Vedernikova, G.I. (1984) Muзейnoe delo v istoricheskoy i arkhivovedcheskoy literature 1920–1930-kh godov [Museum studies in the historical and archive research literature of 1920s and 1930s]. In: Ustinov, V.M. (ed.) *Istoriografiya i istochnikovedenie arkhivnogo dela v SSSR* [Historiography and source studies of archives in the Soviet Union]. Moscow: MGIAI.
3. Lozovaya, L.A. (2008) [Studying the historiography of museology in Russia]. *Etyudy kul'tury-2008* [Etudes of Culture-2008]. Proc. of the All-Russian Scientific and Practical Conference of students, graduate students and young scientists. Part 1: Museology and Cultural Heritage. Tomsk: Tomsk State University. pp. 92–95. (In Russian).
4. Shmidt, S.O. (2012) A.M. Razgon – istorik muzeynogo dela [A.M. Razgon: the historian of museology]. In: Shmidt, S.O. *Posle 75: raboty 1997–2001 godov* [After 75: Works of 1997–2001]. Moscow: RSUH.
5. Klyuchevsky, V.O. (1983) N.M. Karamzin [N.M. Karamzin]. In: Klyuchevsky, V.O. *Neopublikovannye proizvedeniya* [Unpublished works]. Moscow: Nauka.
6. Bestuzhev-Ryumin, K. (1882) *Biografii i kharakteristiki: Tatishchev, Shletser, Karamzin, Pogodin, Solov'ev, Eshevskiy, Gil'ferding* [Biographies and characteristics: Tatishchev, Schletzer, Karamzin, Pogodin, Solovoyov Eshevsky, Hilferding]. St. Petersburg.
7. Vernadsky, G.V. (1998) *Russkaya istoriografiya* [Russian historiography]. Moscow: Agraf.
8. Shmidt, S.O. (2012) *Posle 75: raboty 1997–2001 godov* [After 75: Works of 1997–2001]. Moscow: RSUH.
9. Shmidt, S.O. (2012) Srednevekov'e v gosudarstvennom stroe Rossii Novogo vremeni [Middle Ages in the Russian political system of modern times]. In: Shmidt, S.O. *Posle 75: raboty 1997–2001 godov* [After 75: Works of 1997–2001]. Moscow: RSUH.
10. Shmidt, S.O. (2012) Moskovskiy Kreml' v kul'ture Rossii [Moscow Kremlin in the culture of Russia]. In: Shmidt, S.O. *Posle 75: raboty 1997–2001 godov* [After 75: Works of 1997–2001]. Moscow: RSUH.
11. Shmidt, S.O. (2012) E.A. Bolkhovitinov i stanovlenie nauki rossiyskoy istorii [E.A. Bolkhovitinov and formation of science of Russian history]. In: Shmidt, S.O. *Posle 75: raboty 1997–2001 godov* [After 75: Works of 1997–2001]. Moscow: RSUH.
12. Shmidt, S.O. (2012) O "zhestokoy letopisi kn. Kurbskogo" [On the "brutal chronicle of Prince Kurbsky"]. In: Shmidt, S.O. *Posle 75: raboty 1997–2001 godov* [After 75: Works of 1997–2001]. Moscow: RSUH.
13. Shmidt, S.O. (1993) N.M. Karamzin kak istorik [N.M. Karamzin as a historian]. In: Shmidt, S.O. (ed.) *Venok Karamzinu* [Wreath to Karamzin]. Moscow: Academia.
14. Chernobaev, A.A. (ed.) (2010) *Russkaya istoriografiya. XI – nachalo XXI veka* [Russian historiography. The 11th – early 21st centuries]. Moscow: Vysshaya shkola.
15. Karamzin, N.M. (1842) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: v 3 kn.* [The history of the Russian state: in 3 books]. 5th ed. Book 1. V. 1–4. St. Petersburg.
16. Lappo-Danilevskiy, A.S. (2013) *Metodologiya istorii* [Methodology of history]. Moscow: Akadem. proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga.
17. Klyuchevsky, V.O. (1989) N.I. Boltin [N.I. Boltin]. In: Klyuchevsky, V.O. *Sochineniya: v 9 t.* [Works: in 9 v.]. V. 7. Moscow: Mysl'.
18. Klyuchevsky, V.O. (1989) Pamyati N.I. Boltina [In memory of N.I. Boltin]. In: Klyuchevsky, V.O. *Sochineniya: v 9 t.* [Works: in 9 v.]. V. 7. Moscow: Mysl'.
19. Razgon, A.M. (1963) Istoricheskie muzei v Rossii (s nachala XVIII veka do 1861 g.) [Historic museums in Russia (from the beginning of the 18th century to 1861)]. In: Razgon, A.M. (ed.) *Ocherki istorii muzeynogo dela v SSSR* [Essays on the history of museology in the USSR]. Is. 5. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
20. Levykin, K.G. & Kherbst, V. (eds) (1988) *Muzevedenie. Muzei istoricheskogo profilya* [Museology. Museums of Historical Profile]. Moscow: Vysshaya shkola.
21. Murav'ev, V.B. (1986) Putem svoego veka [By the way of one's epoch]. In: Karamzin, N.M. *Zapiski starogo moskovskogo zhitelya: izbrannaya proza* [Notes of an old Moscow resident: Selected Prose]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
22. Razgon, A.M. (2010) K voprosu o nauchnom komplektovanii fondov v muzeyakh istoricheskogo i kraevedcheskogo profilya [On the scientific acquisition of funds in the museums of local history and historical profile]. In: Shulepova, E.A. (ed.) *Muzevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII–XX vekov: sb. dokumentov i materialov* [Museological thought in Russia of the 18th–20th centuries: documents and materials]. Moscow: Eterna.
23. Karamzin, N. (1802) *Istoricheskoe pokhval'noe slovo Ekaterine Vtoroy* [Historical eulogy to Catherine II]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
24. Karamzin, N.M. (1842) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: v 3 kn.* [The history of the Russian state: in 3 books]. 5th ed. Book 2. V. 5–8. St. Petersburg.
25. Karamzin, N.M. (1986) Russkaya starina [Russian Antiquities]. In: Karamzin, N.M. *Zapiski starogo moskovskogo zhitelya: izbrannaya proza* [Notes of an old Moscow resident: Selected Prose]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
26. Karamzin, N.M. (1842) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: v 3 kn.* [The history of the Russian state: in 3 books]. 5th ed. Book 3. V. 9–12. St. Petersburg.
27. Karamzin, N.M. (1914) *Zapiska o drevney i novoy Rossii* [A note on the ancient and modern Russia]. V. 14. St. Petersburg.
28. Karamzin, N.M. (1986) Puteshestvie vokrug Moskvy [A trip around Moscow]. In: Karamzin, N.M. *Zapiski starogo moskovskogo zhitelya: izbrannaya proza* [Notes of an old Moscow resident: Selected Prose]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
29. Karamzin, N.M. (1803) *Sochineniya Karamzina. T. 3: Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Works of Karamzin. V. 3: Letters of a Russian traveler]. Pt. 2. Moscow: tip. S. Selivanovskogo.
30. Karamzin, N.M. (1803) *Sochineniya Karamzina. T. 3: Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Works of Karamzin. V. 3: Letters of a Russian traveler]. Pt. 3. Moscow: tip. S. Selivanovskogo.
31. Karamzin, N.M. (1803) *Sochineniya Karamzina. T. 3: Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Works of Karamzin. V. 3: Letters of a Russian traveler]. Pt. 1. Moscow: tip. S. Selivanovskogo.
32. Karamzin, N.M. (1803) *Sochineniya Karamzina. T. 3: Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Works of Karamzin. V. 3: Letters of a Russian traveler]. Pt. 4. Moscow: tip. S. Selivanovskogo.
33. Karamzin, N.M. (1986) Istoricheskie vospominaniya i zamechaniya na puti k Troitse i v sem monastyre [Historical memories and observations on the way to the Holy Trinity monastery and in it]. In: Karamzin, N.M. *Zapiski starogo moskovskogo zhitelya: izbrannaya proza* [Notes of an old Moscow resident: Selected Prose]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
34. Karamzin, N.M. (1986) Zapiska o moskovskikh dostopamyatnostyakh [A Note on Moscow sights]. In: Karamzin, N.M. *Zapiski starogo moskovskogo zhitelya: izbrannaya proza* [Notes of an old Moscow resident: Selected Prose]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
35. Lotman, Yu.M. (1987) *Sotvorenie Karamzina* [Creation of Karamzin]. Moscow: Kniga.

Received: 21 July 2015